

*воспоминания
мемуары*

АНТОН ИВАНОВИЧ

ДЕНИКИН

Очерки русской смуты

Вооруженные силы юга России

*Заключительный
период борьбы*

Январь 1919 - март 1920

Очерки русской смуты

Антон Деникин

**Очерки русской смуты.
Вооруженные силы Юга России.
Январь 1919 г. – март 1920 г.**

«Public Domain»

Деникин А. И.

Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Январь 1919 г. – март 1920 г. / А. И. Деникин — «Public Domain»,
— (Очерки русской смуты)

Автор «Очерков русской смуты» Антон Иванович Деникин (1872–1947), занимая в период с 1917 по 1920 гг. ключевые посты в русской армии, сыграл значительную роль в истории России, став одним из руководителей белого движения. В данной книге автор рассказывает о событиях, происходящих в России в 1919 – начале 1920 года: военные действия на юге России, национальный вопрос, отношения с Англией, Францией, Америкой, Балканскими странами; борьба за власть между генералами Вооруженных сил юга России. Повествование заканчивается описанием отъезда генерала Деникина из России. Для широкого круга читателей.

© Деникин А. И.

© Public Domain

Содержание

Операции Вооруженных сил Юга в каменноугольном бассейне, на Донце и Маныче с января по 8 мая 1919 года	5
Признание Югом Верховной власти адмирала Колчака	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Том пятый

Вооруженные силы Юга России

Операции Вооруженных сил Юга в каменноугольном бассейне, на Донце и Маныче с января по 8 мая 1919 года

Надежды на осуществление плана кампании при поддержке союзных армий давно уже были подорваны, если не совсем потеряны. Приходилось рассчитывать только на русские силы. В предвидении близкого освобождения Северного Кавказа являлся вопрос о дальнейшем направлении Кавказской Добровольческой армии.

В январе намечена была переброска армии на царицынское направление, с одновременным наступлением против Астрахани, для захвата стратегически важного пункта Царицына и нижнего плеса Волги и для установления связи с армиями адмирала Колчака. Это движение в тесной связи с наступлением в харьковском и воронежском направлениях должно было вылиться впоследствии в общее наступление к центру России.

В этом смысле штабу Кавказской армии предложено было разработать план операции. Но к тому времени, когда явилась возможность начать переброску сил, то есть к началу февраля, обстановка на Северном фронте коренным образом изменилась. Первоначальная линия фронта, подходившая к Курску и Воронежу и обуславливавшая возможность выполнения этого плана, с падением гетманской и петлюровской Украины, откатилась уже к Азовскому морю. Донская армия, доходившая до Лиски, Поворино и Камышина, упавшая духом и совершенно расстроенная, находилась в полном отступлении к Северному Донцу и к Салу. Чувство усталости и безнадежности охватило не только казаков, но и часть донской интеллигенции. Советские войска наступали почти безостановочно, направляясь на Новочеркасск. Круг, атаман, правительство указывали на смертельную опасность, угрожавшую Дону, и просили помощи.

На крайнем левом фланге Донской армии, прикрывая ростовское направление, стоял отряд генерала Май-Маевского (*Вначале самостоятельный, потом входил в состав Крымско-Азовской армии, а с марта – Кавказской Добровольческой. (Здесь и далее примечания автора.)*) – малочисленный, но состоявший из старых испытанных добровольческих полков (*последовательно там собрались Корниловский, Марковский, Дроздовский, Самурский, 1-й и 2-й конные полки с их артиллерией, и к маю подошел Алексеевский (бывший Партизанский) полк и другие части.*). К началу января отряд этот, заняв главными силами район Юзовки, выдвинулся в харьковском направлении до Бахмута и Константиновки, в бердянском – до Пологи. На этой линии, перехватив все пути, идущие с севера и запада к Донецкому каменноугольному бассейну, Май-Маевский, то наступая, то отходя, непрестанно маневрируя, с необыкновенным упорством выдерживал напор значительно превосходящих сил: левого крыла Украинского и правого – Южного большевистских фронтов.

На это направление сосредоточено было особое внимание Москвы: там бился пульс хозяйственной жизни страны. И Бронштейн-Троцкий в своих приказах-воззваниях неустанно призывал «пролетариат... вперед – на борьбу за советский уголь»: «В первую голову нам нужен уголь. Фабрикам, заводам, железным дорогам, пароходам, домашним очагам *смертельно* нужен уголь... В Донецком бассейне зарыт великий клад, от которого зависит благополучие, процветание и счастье всей страны. Этот клад необходимо добыть с оружием в руках...» «Донецкий фронт является сейчас, без всякого сомнения, важнейшим фронтом для всех советских республик. Говоря это, я не забываю о Петроградском фронте, но вполне сознательно

считаю, что потеря Петрограда не была бы для нас так тяжка, как длительная потеря Донецкого бассейна. Поскольку советская республика является сейчас крепостью мировой революции, постольку можно сказать, что ключ этой крепости находится сейчас в Донецком бассейне. Вот почему все внимание сосредоточивается сейчас на этом участке обширнейшего фронта советской республики».

Нечего и говорить о том, какое значение имел этот вопрос и для нас – для областей Юга и для всего черноморского транспорта.

Передо мною встала дилемма: приводить ли немедленно в исполнение первоначальный план движения главными силами на Царицын и, следовательно, бросить на произвол судьбы Дон и отдать большевикам каменноугольный бассейн... Или, не оставляя царицынского направления, сохранить Донецкий бассейн – этот огромной важности плацдарм будущего нашего наступления, сохранить от окончательного падения и разложения Донское войско. Без малейших колебаний я принял второе решение, и с начала февраля на север потянулись эшелоны Добровольческой армии – в голове Кавказская дивизия генерала Шкуро, за ней 1-я Кубанская дивизия корпуса генерала Покровского, 1-я Терская дивизия и другие части.

Появление помощи оказало решительное влияние на поднятие духа Войска Донского. Имевшая в декабре на фронте свыше 50 тысяч бойцов, Донская армия отошла за Донец с 15 тысячами. Противник нажимал все сильнее в сторону Новочеркасска и в феврале в нескольких местах между Доном и Юго-Восточной железной дорогой прорвался уже через Донец. Во второй половине февраля, однако, донские дивизии переходят в короткие контратаки и с большими потерями отбрасывают противника за реку. Моральное состояние донских войск крепнет. Разлитие Донца вскоре делает этот фронт пассивным, и отступление прекращается.

Большевистские дивизии начинают постепенное передвижение к западу. В районе Луганска вырастает новый сильный кулак красных войск, а южнее возобновляются жестокие, кровопролитные, но безрезультатные атаки на корпус Май-Маевского на фронте Дебальцево – Гришино. Имея разновременно 3–6 тысяч против 10–30 тысяч большевиков, Добровольческий корпус наносит им ряд поражений, и к концу февраля наши сводки отмечают впервые на донском фронте признаки некоторого разложения красных: «части начали митинговать, иногда отказываясь от наступления, а некоторые из них расформируются...»

Только на крайнем правом фланге, на царицынском направлении, донские войска, в значительной мере потерявшие боеспособность, под напором конницы Думенко медленно, но почти безостановочно отходили к Манычу.

К началу марта стратегическое положение на Северном фронте Вооруженных сил Юга было таково:

1. На царицынском направлении донские войска генерала Мамонтова, номинально 5–6 тысяч, придержались несколько между реками Салом и Манычем, опираясь левым флангом в Дон против станицы Константиновской, и правым – в Манычские озера.

За Манычем сосредоточивалась группа генерала Кутепова, частью в районе Великокняжеской, частью южнее у Дивного – Приютного. Численность ее была 9—11 тысяч, но, кроме 2-го Кубанского корпуса генерала Улагая, прочие части ее находились в стадии формирования, и боевой эквивалент их был невысок (*Горская дивизия, кадры формировавшихся на Дону бывшей Астраханской армии, затем Саратовского корпуса, и так далее.*).

2. Прикрываясь Донцом, располагались главные силы Донской армии генерала Сидорина – около 12–13 тысяч, имея на левом фланге в луганском направлении активную группу генерала Коновалова.

В районе Александро-Грушевского, севернее Новочеркасска, сосредоточивались дивизии генерала Покровского и Шкуро, перебрасываемые также на луганское направление.

3. От станции Колпаково на Волноваху и Мариуполь шел фронт Кавказской Добровольческой армии (*за болезнь генерала Врангеля временно командовал генерал Юзефович.*),

насчитывавшей всего с подошедшими дивизиями 12 тысяч бойцов. Ввиду наличия одной только железнодорожной магистрали, связывавшей Кавказ с Донецким районом, сосредоточение войск шло крайне медленно.

Таким образом, на всем 750-верстном Северном фронте ВСЮР стояло 42–45 тысяч штыков и сабель (*считая и части, прикрывавшие тогда перешейки в Крыму. Остальные силы находились частью в пути, частью на Северном Кавказе и на побережье Черного моря*). В группировке по различным участкам фронта численное соотношение не играло существенной роли ввиду крайне разнообразной боевой ценности войск. В этом отношении Кавказская Добровольческая армия, прикрывавшая Донецкий бассейн, и конные донские дивизии, действовавшие на луганском направлении, представляли из себя тогда наиболее прочную и внушительную силу.

С севера на юг наступали советские армии Южного (подполковник Гиттис) и Украинского (Антонов-Овсеенко) фронтов. Ввиду неудавшейся операции по захвату Новочеркасска прямым наступлением с северо-востока 8-й и 9-й армиями советское командование изменило план и приступило к перегруппировке.

1. Вдоль железнодорожной линии Царицын – Тихорецкая наступала, пока еще только конными частями, 23-тысячная 10-я армия полковника Егорова, в состав которой вошла и степная группа, около 10 тысяч, действовавшая восточнее по большому Ставропольскому шляху.

2. По Дону от Чира до устья Донца и по Донцу до впадения Луганчика на широком фронте раскинулась 9-я армия полковника Всеволодова силою в 28 тысяч (*после перегруппировки*).

3. Западнее, сдвинувшись с воронежского направления, 8-я армия штабс-капитана Тухачевского, около 27 тысяч, производила вкруговую переброску войск на правый берег Донца, в район Луганска.

4. Южнее до Юзовки был фронт 13-й армии Кожевникова, из украинских формирований, усиленной к тому времени до 20–25 тысяч, с главными силами в направлении Никитовки.

5. В районе Юзовки находился стык Южного и Украинского большевистских фронтов, причем на левом фланге последнего развернулась 2-я Украинская армия (позднее 14-я, включавшая «украинские» дивизии, повстанческие отряды Махно, Опанасюка и другие). Эта группа, усиленная до 20–25 тысяч, располагалась главными силами против Юзовки – Волновахи; далее по линии Бердянск – Мелитополь – Перекоп (исключительно) стояла особая Крымская группа.

Таким образом, против Северного фронта Вооруженных сил Юга большевики располагали силами в 130–150 тысяч, расположенными в двух главных группах: на царицынском направлении – 10-я армия и на линии Луганск – Волноваха – 8-я, 13-я и большая часть 2-й Украинской армии. Как следовало из полученных нами позднее в половине апреля сведений из Москвы, советским войскам поставлена была задача уничтожить группу, прикрывающую Донецкий бассейн, для чего: удерживая в центре линию Донца и Дона, нанести главный удар тремя армиями в юго-восточном направлении на Ростов – Новочеркасск (*8-я армия направлена была правым берегом Донца*), одновременно угрожая нашему тылу ударом по Великокняжеской.

2 марта мною отдана была армиям директива, впоследствии несколько видоизмененная в деталях, но в общем ставившая войскам следующие основные задачи: 1) продолжать переброску войск с Кавказа в донецкий район; 2) активно обороняться на Западном фронте Донецкого бассейна, а также по Донцу и Дону, правым флангом Кавказской Добровольческой армии и левым флангом Донской нанести удар главной массе противника, направляя его на фронт Дебальцево – Луганск; 3) группе генерала Кутепова, по сосредоточении, совместно с пра-

вым флангом Донской армии наступать в царичинском направлении, имея ближайшей целью отбросить большевиков за реку Сал.

С конца февраля началось жестокое сражение. На всем пространстве между Азовским морем и Донцом перешли в решительное наступление советские армии, в 3–4 раза превосходившие нас численно. В районе между верхним Миусом и Донцом (*примерно между Луганском и станцией Колтаково*) шли встречные бои между 8-й армией и частью 13-й и нашей ударной группой. Корпуса генералов Коновалова (донской), Покровского (кубанцы и донцы) и Шкуро (кубанцы и терцы), непрестанно маневрируя, наносили один за другим удары советским армиям. В бесчисленных конных атаках они несли тяжелые потери, но наносили противнику еще большие, расстраивая его морально, наводя панику в ближайшем тылу и парализуя наступление неприятельских армий. С большим порывом действовал генерал Коновалов и, преследуя разбитые части большевиков, дважды врвался в Луганск...

На Западном фронте в совершенно исключительной обстановке корпус генерала Май-Маевского (*на крайнем левом фланге его в районе Мариуполя был сводный отряд генерала Виноградова из Сводно-гвардейского полка и частей бывшей на Дону расформированной Южной армии*) вел «железнодорожную войну», применяя особые методы тактики ввиду подавляющего превосходства сил противника. Пользуясь густой сетью железных дорог Донецкого бассейна, он занимал небольшими отрядами важнейшие пункты по линии фронта и держал в тылу на узловых станциях бронепоезда и в вагонах подвижные резервы, которые бросались в угрожаемом направлении, с тем чтобы на другой день, иногда в тот же, перебраться в противоположный конец фронта. У противника создавалось впечатление нашей силы на всех направлениях, но это были одни и те же люди, бессменно, изо дня в день, дерущиеся то там, то здесь, отдыхающие в пути, в вагоне, потерявшие представление о времени суток, истомленные физически, но полные мужества. Недели, месяцы по всему фронту гремели выстрелы, станции переходили из рук в руки, лилась кровь, добровольческие части таяли, но продолжали бороться.

Волна советских войск, захлестнувшая уже Северную Таврию, заливавшая Донецкий бассейн, спадала опять – разбитая и распыленная.

В середине марта после переброски новых крупных советских сил наступление на этом фронте возобновилось с особенной силой в направлении Дебальцева, Гришина и Мариуполя. Фронт Кавказской Добровольческой армии был потеснен. Мы оставили Юзово, Долю, Волноваху, Мариуполь. Ввиду этого коннице генерала Шкуро, взявшей 17-го Дебальцево, была дана задача ударить по тылам Западного фронта. В течение двух недель – с 17 марта по 2 апреля – он прошел от Горлова до Азовского моря, наводя страх на большевиков, разогнав, порубив и взяв в плен несколько тысяч человек, бронепоезда и другую военную добычу (*в этом и позднейших сражениях надлежит отметить боевое сотрудничество с генералом Шкуро и оперативное руководство корпусом его доблестного начальника штаба генерала Шифнер-Маркевича*). Между Волновахой и Мариуполем генерал Шкуро разгромил, между прочим, «дивизию» Махно, полки которого, как сообщалось в донесении, «обратились в паническое бегство, бросая оружие, шубы, шинели и даже сапоги...». По мере движения конницы и одновременно с нею переходили в наступление войска генералов Май-Маевского и Виноградова, вновь занимая утерянную временно линию.

8 апреля «товарищ» Сокольников, член революционного Военного совета Южного фронта, телеграфировал в Москву:

«Замедление операций на Южном фронте объясняется разложением N-ской армии (вероятно, 13-й?), а также полной небоеспособностью частей Махно. Противник получил отсрочку, которую великолепно использовал... Вместо разбитой Донской армии перед нами стоит новая армия с более свежими силами, чем наши... Наше положение еще нельзя считать

поколебленным, но за последние два месяца соотношение сил изменилось в пользу противника».

Советская статистика в феврале, марте и апреле давала официальные цифры дезертиров Южного фронта соответственно в 15, 21, 23 процента.

О «превосходстве» нашем в силах упоминалось постоянно в речах и воззваниях Троцкого: «Наши армии встретились на своем пути с очень многочисленными и свежими (!) деникинскими войсками...», «на многих участках фронта они превосходят нас численно вдвое, втрое...».

Силы Кавказской Добровольческой армии, вместе с донцами ударной группы, не превосходили в ту пору 15–16 тысяч, и успехи наших войск должны быть отнесены исключительно за счет их доблести.

В то время как на Западном фронте разбивался нами напор трех ударных армий, 9-я советская армия на линии Донца не оставалась пассивной. Неоднократно части ее переправлялись в разных местах на южный берег, но попытки их отражались донцами. В конце марта большевики предприняли здесь операцию крупными силами, перейдя реку одновременно у Каменской и Усть-Белокалитвенской (*на железнодорожном направлении Воронеж – Ростов и Лихая – Царицын*), отбросили донские части и начали распространяться в глубь района. Но снятый с луганского направления конный корпус полковника Калинина (*был переброшен с царицынского направления*) разбил и сбросил в реку большевиков у Каменской и, повернув к Калитве совместно с корпусом генерала Семилетова, с таким же успехом повторил удар и здесь. Повторенные в первой половине апреля попытки 9-й армии переправиться в низовьях Донца окончились также полной неудачей, и на этом фронте наступило затишье.

Одновременно с переправой у Каменской на луганском направлении противник, воспользовавшись ослаблением там наших сил, продвинулся вперед, но переброшенные туда вновь корпуса Калинина и Шкуро, совместно с другими левофланговыми частями Донской армии, в 20-х числах апреля с большим уроном отбросили противника за реку Белую.

Донское войско явно выздоравливало от того повального маразма, который охватил его в январе, вновь приобретало веру в себя, в свои силы, в возможность дальнейшей борьбы. Продолжались еще явления боевой неустойчивости и развала, требовавшие даже воздействия вооруженной силой, но масса очнулась. Донское командование использовало умело прочные части для маневра и деятельно вело реорганизацию армии, упраздняя не отвечавшее силам давление на «фронты», «армии», сводя в нормальные части многочисленные отряды – наследие партизанства, ополчения и развала.

Очнулись и казаки Верхне-Донского округа, некогда «воткнувшие штыки в землю», подчинившиеся советской власти и погубившие фронт. Восстание там вспыхнуло неожиданно для большевиков и приняло широкие размеры. Мы узнали о нем в начале марта, но лишь позднее, в апреле, когда донцам удалось установить воздушную связь с восставшими, обнаружилось потрясающие картины большевистского властвования на Дону. Со всех сторон неслись вопли, рассказы о массовых злодействах, об осквернении церквей, о поджогах и грабежах, об изнасиловании женщин и детей... «Душа казака не вынесла такого испытания», – писал окружной совет восставших. Они просили передать своим одностаничникам на Донце, что «их матери, жены, дети, еще оставшиеся в живых, с изможденными лицами, оборванные и голодные, просят помощи».

Летчиков встречали колокольным звоном и забрасывали цветами. Вести с донецкого фронта подняли еще более настроение восставших, а вести оттуда заставили призадуматься малодушных на фронте.

По большевистской терминологии, это было «кулацкое восстание», хотя даже Бронштейн в своих воззваниях не считал возможным отрицать, что «казаки терпели несправедливости от отдельных проходивших воинских частей и отдельных представителей власти». Советское

командование для усмирения восстания снарядило «экспедиционный корпус» из состава 9-й армии, но он успеха не имел. Бронштейн писал пламенные воззвания, посылал «прекрасные подкрепления, лучших работников-организаторов» и требовал «нанести быстрый, суровый, сокрушающий удар». Но шли недели за неделями, экспедиционные войска терпели неизменно неудачи (*один из советских полков (Сердобский) перешел на сторону восставших*), район восстания ширился, и к апрелю у восставших насчитывалось до 30 тысяч бойцов и 6 орудий. У них не хватало оружия и патронов, но зато было мужество отчаяния.

Восстание в тылу ставило советское командование в весьма рискованное положение.

В конце концов, к середине апреля, то есть *через полтора месяца после начала наступления советских армий*, войска Кавказской Добровольческой и Донской армий стояли на той же линии, сохранив Донецкий каменноугольный бассейн и донской плацдарм.

Менее благополучно складывалось положение на манычском фронте. В середине марта большевики, отбросив наши части от Великокняжеской к Манычу, вследствие разлива реки держали себя пассивно. И лишь на крайнем южном фланге в ставропольском направлении продолжали непрерывные атаки, неизменно отражаемые кубанцами генерала Улагая. Но в конце месяца 10-я советская армия перешла вновь в наступление и отбросила наши части за реку на всем нижнем течении Маныча. Один из донских корпусов, совершенно разложившийся, ушел за Дон, отдав большевикам неиспорченным мост и станицу Богаевскую – в одном переходе от Новочеркасска. Сводные части великокняжеской группы генерала Кутепова также не проявили достаточной стойкости, и с 12–14 апреля противник стал переправляться на левый берег Маныча, угрожая Владикавказской железной дороге, тылу и сообщениям Кавказской Добровольческой и Донской армий.

На очереди стояла серьезная задача парировать этот удар...

Кавказской Добровольческой армией командовал временно начальник штаба генерал Юзефович. Генерал Врангель поправлялся после сыпного тифа – сначала в Кисловодске, потом на Черноморском побережье. Юзефович сообщал, что под влиянием перенесенной тяжелой болезни в душе командующего происходит реакция: он говорил, что «Бог карает (его) за честолюбие, которое руководило до тех пор его жизнью», и что после выздоровления он покинет службу и обратится к мирной работе «для своей семьи, для детей...». Считая, что это настроение лишь временное и оценивая боевые качества генерала Врангеля, я послал ему тотчас же письмо, в котором отметил его заслуги и выразил уверенность, что он останется во главе Кавказской Добровольческой армии. Получил в ответ: «... До глубины души тронут тем сердечным отношением с Вашей стороны, которое неизменно чувствовал во все время моей болезни. От всего сердца благодарю Вас и прошу верить, что, если Богу угодно будет вернуть мне здоровье и силы, то буду счастлив под Вашим начальством вновь отдать их на служение дорогой Родине и Армии».

Получая доклады от своего штаба, генерал Врангель был в курсе боевых операций. И он и Юзефович резко расходились во взглядах со Ставкой в отношении плана текущей операции. С февраля сначала Юзефович, потом Врангель многократно и настойчиво добивались изменения этого плана; вокруг вопроса создавалось нервное настроение, далеко выходящее из области чистой стратегии и из специально-технической заинтересованности... Выбор направления на север или на Царицын неожиданно для меня превращался в лозунг – внешний по крайней мере – более сложных, тогда еще не вполне выявившихся настроений...

Генерал Врангель считал «главнейшим и единственным» направление на Царицын, дающее возможность установить связь с армией адмирала Колчака. С этой целью он предлагал «пожертвовать каменноугольным районом, в котором нам все равно не удержаться...», оттянуть наши части на линию реки Миус – станция Гундоровская с целью прикрытия железной дороги Новочеркасска – Царицын и, воспользовавшись «сокращением (?) фронта на 135 верст»,

оставить на правом берегу Дона только Донскую армию, а Кавказскую Добровольческую перебросить на царицынское направление, по которому и наступать, прикрываясь Доном.

Последствия такого решения представлялись мне и начальнику моего штаба с непререкаемой ясностью.

Донская армия тогда только и поддерживалась морально присутствием и соседством добровольцев. Уход их возлагал на донцов задачу совершенно непосильную: прикрытие нового 120-верстного фронта, причем освобождавшиеся 13-я, 14-я и часть 8-й советской армии получали возможность нанести удар во фланг и тыл Донской. Нечего и говорить, что донцы ни одного дня не удержались бы на правом берегу. «Если бы Кавказская Добровольческая армия, – писал с полным основанием генерал Романовский Юзефовичу, – ушла и обнажила левый фланг донцов, не будучи вынуждена к тому силой противника, я убежден, что не только не стали бы донцы защищать никакого плацдарма, но все, что есть у них, развалилось бы совершенно, и мы имели бы за Доном массу беженцев и незначительные донские партизанские отряды (*при отступлении от северных своих границ к Дону Донская армия с 45 тысяч сошла на 15 тысяч*) ... Конечно (при этом), на главнокомандующего со стороны донцов, возможно, и кубанцев, легло бы обвинение в предательстве».

Таким образом, план этот приводил к потере не только каменноугольного бассейна, но и правобережной части Донской области с Ростовом и Новочеркасском, к деморализации Донской армии и к подрыву духа восставших казаков Верхне-Донского округа. Главная масса войск Южного советского фронта (8-я, 9-я, 13-я и 14-я армии) получила бы возможность на плечах донцов форсировать Дон и обрушиться на тыл и сообщения Кавказской Добровольческой армии (Новороссийск – Торговая) или, прикрываясь, в свою очередь, Доном, перекинуться к Волге. Дальнейшее успешное развитие операции к северу от Царицына – армии, линия сообщения которой длиной в 756 верст проходила бы, большей своей частью параллельно фронту и под угрозой противника, – представлялось совершенно неправдоподобным, подвергая армию опасности быть сброшенной фланговым ударом в Волгу. К тому же путь к Царицыну шел, по словам самого генерала Врангеля, через «безлюдную и местами безводную степь», исключавшую возможность местного пополнения и питания.

Мой план был иной.

В полном единомыслии с командованием Донской армии я хотел удержать в наших руках Донецкий бассейн и северную часть Донской области по соображениям моральным (поддержание духа Донского войска и восставших казаков), стратегическим (плацдарм для наступления кратчайшими путями к Москве) и экономическим (уголь). Я считал возможным атаковать или по крайней мере сковать действия четырех большевистских армий севернее Дона и одновременно разбить 10-ю армию на царицынском направлении. А наше победное наступление, отвлекая большие силы и средства советов, тем самым облегчало бы ж значительной степени положение прочих белых фронтов.

Возможно ли это было? В ближайшее время жизнь ответила утвердительно, ответила разгромом не только 10-й, но и 8-й, 9-й, 13-й и 14-й советских армий.

Угроза со стороны 10-й армии становилась весьма серьезной, и штаб мой спешно стал перебрасывать на манычское направление подкрепления. Предстояло немедленно объединить командование всем манычским фронтом для предстоящей операции, и я решил поручить это дело генералу Врангелю; в случае же, если состояние его здоровья не позволит, принять непосредственное командование на Маныче на себя. Генерал Врангель находился в то время уже в Екатеринодаре. Поздно вечером 14 апреля к нему зашли генерал Романовский и генерал-квартирмейстер штаба Плющевский-Плющик переговорить по этому поводу.

– Я могу согласиться не иначе, – ответил Врангель в очень резком тоне, – как при условии переброски на царицынское направление всего моего штаба со всеми органами снабжения.

Романовский возразил, что сейчас ввиду тяжелого положения донецкого района убирать оттуда штаб армии немыслимо; речь может идти лишь о выделении маленького полевого штаба... И что раз вопрос ставится так, главнокомандующему остается выехать в Тихорецкую и принять руководство операцией в свои руки.

Генерал Врангель отбыл на другой день в Ростов, в штаб Кавказской Добровольческой армии, я 18-го переехал в Тихорецкую для непосредственного командования на царицынском направлении.

18—20-го закончилось сосредоточение войск манычского фронта в трех группах: генерал Покровский (*1-я Кубанская, 2-я Терская дивизии, части Донской армии*) – в районе Батайска, генерал Кутепов (*усиленный Кубанской дивизией генерала Шатилова и Кубанской бригадой генерала Говорущенко*) – западнее Торговой и генерал Улагай (*2-й конный корпус*) – к югу у Дивного в ставропольском направлении. Главную массу группы составляли кубанские казаки.

Противник к этому времени вышел уже на линию железной дороги Батайск – Торговая, и передовые части его подходили на переход к Ростову.

18 апреля я отдал директиву войскам манычского фронта «разбить противника и отбросить его за Маныч и Сал», причем генералу Улагаю развивать успех в направлении Ставрополь – Царицынского тракта, перехватив железную дорогу.

21 апреля началось наше наступление, и к 25-му 10-я советская армия на всем течении Маныча была отброшена за реку. В центре дивизия генерала Шатилова дважды переходила через Маныч, доходя передовыми частями до станции Ельмут, в тылу Великокняжеской, по пути своему разбив несколько полков противника, взяв несколько тысяч пленных и орудия; генерал Улагай перешел Маныч и разбил большевиков у Кормового и Приятного.

Так как форсирование Маныча в низовьях не увенчалось успехом, я оставил для прикрытия его отряд генерала Патрикеева (Командовавший здесь генерал Кутепов вступил в командование корпусом Май-Маевского, предназначенного командовать армией.) и донцов, а все остальные конные дивизии левого крыла и центра 1 мая перевел к устью реки Егорлык. Конная масса из 51/2 дивизии должна была нанести решительный удар по Великокняжеской с юго-востока.

Между тем напор противника на корпус Май-Маевского в донецком районе становился все отчаяннее. И 25-го начальник штаба корпуса доносил штабу армии: «Положение на фронте такое, что командир корпуса накануне решения об общем отходе корпуса. Командир корпуса считает, что сохранение остатков корпуса возможно лишь в том случае, если корпус своевременно будет выведен из боя. Время наступило. Нельзя требовать от людей невозможного. Ввиду этого командир корпуса просит директивы от армии, в каком направлении начать отход... Быть может, марковцы восстановят положение, а самурцы снова и снова займут свое расположение... Быть может, корниловцы опять, в сотый раз, отобьют все атаки... Быть может, противник не будет делать того, что подсказывает ему обстановка, здравый смысл и соответствие сил, и начнет митинговать и забастует, – но все это такие элементы, которые командир корпуса, конечно, использует, но на которых он не считает возможным строить свои планы...»

Генерал Врангель ответил выражением уверенности в доблести войск и их начальника и в случае полной невозможности удержать фронт указал отходить, «прикрывая Иловайскую, в таганрогском направлении». Одновременно ввиду грозного положения он просил меня приехать в Ростов и вновь возбудил вопрос об отводе Кавказской Добровольческой армии.

Чувствовался некоторый душевный надрыв, который необходимо было побороть во что бы то ни стало.

Я остался при своем первоначальном решении: сохранение фронта – вопрос необычайной важности; директивы об отступлении не будет; оно может явиться только результатом абсолютной невозможности держаться дольше; в определении этого момента всецело полагаюсь на твердость командира корпуса.

Между тем ввиду настойчиво выраженных пожеланий генерала Врангеля о переводе его на царицынский фронт вопрос этот был предрешен мною окончательно. После окончания Великокняжеской операции войска царицынского фронта должны были составить новую армию под начальством генерала Врангеля, а во главе Кавказской Добровольческой армии, получившей наименование Добровольческой, я решил поставить генерала Май-Маевского, вынесшего на своих плечах всю тяжесть шестимесячной обороны Донецкого бассейна. 30 апреля барон Врангель вновь обратился к начальнику штаба генералу Романовскому об ускорении его переезда на царицынское направление, чтобы попасть к началу операции, тем более, как говорил он, «настроение в городе (Ростове) вполне спокойное, и момент для (его) отъезда наиболее благоприятный». Генерал Романовский, полагая, что «фронт в угольном районе более важный, а здесь (на царицынском направлении) операция протекает нормально», обусловливал время переезда окончанием формирования штаба и, главным образом, оперативной части для генерала Май-Маевского.

1 мая штаб Кавказской Добровольческой армии улаживался со штабом 1-го корпуса относительно линии предстоящего отхода. В тот же день генерал Врангель запросил разрешение прибыть ко мне в Торговую для личного доклада. Цель приезда его 2 мая была несколько непонятна, так как обо всем уже мы переговорили раньше и никаких серьезных новых обстоятельств не появилось. Генерал Врангель повторил опять, что пределы сопротивления перейдены и необходимо отступить. Неожиданным для меня после екатеринодарского эпизода явилось то обстоятельство, что генерал Врангель сразу и охотно принял мое предложение стать во главе конной группы, собранной мною против Великокняжеской. С тремя офицерами Генштаба он выехал к Бараниковской (на Маныче) и вступил в командование группой.

С 1 по 5 мая там шли обстоятельные приготовления к переправе.

Между тем на нашем правом крыле генерал Улагай, выполняя данную ему задачу – наступать Царицынским шляхом с выходом части сил в тыл Великокняжеской с целью перерезать железную дорогу Великокняжеская – Царицын, прошел севернее Маныча более чем на 100 верст, достигнув села Торгового (на реке Сал). В боях у Приютного, Ремонтного, Граббевской он разгромил до основания всю Степную группу 10-й армии, взяв в плен шесть полков 32-й стрелковой дивизии, штабы, обозы, свыше 30 орудий. Встревоженный выходом генерала Улагая на сообщения своей армии, «товарищ» Егоров направил от Великокняжеской наперерез ему шесть полков лучшей советской конницы Думенко. В полдень 4 мая возле Граббевской произошла встреча, причем после ожесточенного боя Улагай разбил конницу Думенко, которая бросилась бежать в беспорядке на запад, преследуемая кубанцами. Один из отрядов Улагая вышел к железной дороге у станции Гашун и разрушил там путь.

Этот успех предрешил исход Великокняжеской операции.

На другой день с рассветом переправилась через Маныч конная группа генерала Врангеля. В трехдневном бою под Великокняжеской, где противник оказывал нам весьма упорное сопротивление, генерал Врангель нанес поражение центральной группе противника и взял Великокняжескую.

10-я советская армия, потеряв за время Манычской операции (22 апреля – 8 мая) одними пленными более 15 тысяч человек, 55 орудий, расстроенная и деморализованная, поспешно отступала на Царицын, преследуемая всеми войсками манычского фронта, получившими название Кавказской армии. Командующим этой армией был назначен генерал Врангель.

Войска бывшей Кавказской Добровольческой армии наименованы были Добровольческой армией. Во главе ее стал генерал Май-Маевский (*временно, чтобы дать возможность новому корпусному командиру ознакомиться с особенностями тактики в каменноугольном районе, генерал Май-Маевский оставался при корпусе, а армией командовал генерал Юзефович*).

От генерала Май-Маевского с тех пор тревожных сведений не поступало, 4 мая противник на всем донецком фронте перешел вновь в общее наступление, которое было отражено с большим для него уроном, и Добровольческая армия, перейдя в контрнаступление, в течение нескольких дней овладела вновь всем юзовским районом и Мариуполем, захватывая тысячи пленных, бронепоезда и орудия.

В начале мая на всем фронте от Донца (левый фланг Донской армии) до Азовского моря в стане большевиков наступил моральный перелом. Огромные потери, понесенные в боях и в большей еще степени от дезертирства, ослабили большевистские армии. Они разбились о сопротивление добровольцев и казаков, и в рядах их все более, все глубже нарастало паническое настроение. Появление впервые на этом фронте английских танков произвело на большевиков большое впечатление и еще более увеличило их нервность.

В тылу у большевиков было не лучше. 24 апреля поднял восстание против советов атаман Григорьев и, находя живой отклик в населении, вскоре занял Елисаветград, Знаменку, Александрию, подходил к Екатеринославу. Для борьбы с ним направлены были резервы советского Южного фронта. Нарастало столкновение между советской властью и Махно, отражавшееся на положении приазовского фронта... Украина кишела повстанческими отрядами во главе с многочисленными атаманами, не признававшими никакой власти, гулявшими по тылам, расстреливавшими сообщения, осаждавшими не раз и самый Киев. Московские «Известия» констатировали вообще во всей прифронтовой полосе целый ряд «контрреволюционных вспышек», в которых принимали вооруженное участие «не только кулаки и черносотенцы, но и некоторые группы обманутых (!) середняков и бедняков». Причины этого явления официоз видел в бесчинствах советских войск, в тяжести поборов и разверсток и в «самодурстве опьяненной властью помпадуров...».

Большевистские армии явно и быстро разлагались.

Начало мая было резким поворотным моментом в судьбах Вооруженных сил Юга. Фронт большевистский дрогнул, и все наши армии – от Каспийского моря до Донца и от Донца до Черного моря – были двинуты в решительное наступление.

Признание Югом Верховной власти адмирала Колчака

27 мая по поручению «Парижского совещания» в Екатеринодар приехали: генерал Щербачев, Аджемов и Вырубов, как писал князь Львов, для того, чтобы «облегчить (мне) трудную задачу ориентировки в сложной мировой политической жизни». Конкретно вопрос был поставлен о необходимости немедленного подчинения моего адмиралу Колчаку. Со мной беседовали отдельно генерал Щербачев и потом Аджемов с Вырубовым. К удивлению своему, я не чувствовал в их речах никакого пафоса, скорее некоторое смущение – то ли в силу пошатнувшегося положения Восточного фронта наряду с развивающимися успехами армий Юга, то ли потому, что принятая на себя миссия казалась им исключительно трудной и щекотливой. Генерал Щербачев был вообще краток и, передав сущность вопроса, сослался на предстоящее более детальное выяснение его своими спутниками.

Мотивы, которые они приводили в пользу подчинения, сводились в общем к следующему: 1) мощь сибирских армий и огромная, освобожденная ими от большевиков территория. подчиненная адмиралу Колчаку; 2) впечатление, произведенное на правительства и общественное мнение Европы быстрым выходом сибирских войск к Волге; 3) ожидающееся официальное признание союзными правительствами адмирала Колчака при условии объединения в его лице всей Верховной власти; 4) наконец, признание Всероссийской власти сделает невозможным признание власти советской и облегчит нам борьбу с сепаратными течениями.

О признании адмирала Колчака союзниками, в случае подчинения ему Юга, Аджемов и Вырубов заявили в форме категорической, генерал Щербачев – с большей осторожностью: «Союзные представители делали намеки...»

Единственным «документом», причем несколько условным, было обращение Клемансо. Казалось странным, что екатеринодарские представители союзников никогда не поднимали этого вопроса в разговорах со мною.

Я предложил парижским представителям ознакомиться с их поручением «Особое совещание», а последнему обсудить его и дать мне свое заключение.

Весть о предложении прибывшей из Парижа миссии быстро распространилась и вызвала большое возбуждение в политических кругах. Общественные настроения нашли, несомненно, отражения в памятном для участников заседания «Особого совещания» в день 28 мая.

К. Н. Соколов в своих воспоминаниях (*«Правление генерала Деникина»*) пишет:

«После ухода Вырубова и Аджемова „Особое совещание“ приступило к прениям. Разногласия по существу не было, и все сошлись на том, что надо оставить наши отношения к адмиралу Колчаку в прежнем виде до фактического соединения фронтов. Была принята во внимание и возможность лишения нас помощи союзниками, и наши специалисты успокоили нас заявлением, что мы снабжены всем необходимым на продолжительный срок. Я не могу припомнить все доводы, которые приводились против принятия присланных из Парижа советов. Но я помню хорошо ход моих мыслей, кажется, отвечавших настроению большинства. Я доказывал, что при гадательности признания союзниками адмирала Колчака мы, немедленно подчинившись Омску, рискуем напрасно принести немалые жертвы. В отказе от притязания главного командования на государственный суверенитет крылись, как мне казалось, опасности и юридического, и политического порядка. Юридически ослаблялась бы наша позиция по отношению к казачьим „образованиям“. Политически мы обязывались бы внезапно и под влиянием извне, автоматически принять политическую программу омского правительства, то есть отказаться от собственного нашего южно-русского политического опыта. К изумлению многих, и лидеры „Национального центра“ как будто уже не защищали тезиса о немедленном подчинении. Астров и Федоров ограничивались тем, что очень решительно подчеркивали огромную морально-политическую важность скорейшего создания единой национальной власти. Впер-

вые, и по такому принципиальному вопросу, „Особое совещание“ было, таким образом, совершенно единодушно... Мы разошлись глубоко взволнованные, условившись собраться на другой день для окончательного принятия нашего постановления».

Другой член «Особого совещания» Н. И. Астров приводит точку зрения «Национального центра» и мотивы, побудившие его изменить первоначальное мнение о необходимости немедленного признания.

«Настроение большинства было совершенно определено против признания Колчака. Нужно было найти формулу, наиболее приемлемую для совещания, единство мнения которого в этом вопросе представлялось желательным.

Содержание моей заключительной речи сводилось к следующему.

...Поставлен вопрос о воссоздании России. Вопрос поставлен не приезжими из Парижа. Они только осложнили его и внесли трудности в его разрешение, ибо отказ от положительного ответа будет истолкован как отказ от признания, как начало борьбы из-за власти. Если не борются вожди, то в их штабах начинается состязание и соревнование (*по-видимому, слово „штаб“ надо понимать фигурально, ибо в настоящем штабе главнокомандующего ничего подобного не было*). Нужно вернуть вопрос к его нормальной постановке, освободив от вредных осложнений. Поставленный перед нами сейчас вопрос распадается на две части, смешивать которые не следует: нужно ли немедленное образование национального правительства России – один вопрос и нужно ли для этого немедленное признание Колчака – другой. Основной вопрос об образовании национального правительства, казалось бы, не требует доказательств, он ясен сам собой и подлежит разрешению в положительном смысле. Сложнее вопрос о признании Колчака этой национальной властью. Ходом событий вопрос этот предрешен, и медлить с его окончательным решением нельзя, ибо Европа может признать Колчака без участия в этом признании генерала Деникина и тем отбросить в тень Екатеринодар. С другой стороны, может исчезнуть благоприятный момент для признания России субъектом прав, и внимание Европы может снова повернуться к большевикам. Но без переговоров с Колчаком вопрос все-таки решить трудно. Для переговоров, конечно, нельзя ждать соединения армий и личного свидания вождей. Необходимо срочное сношение с Омском через Париж для выяснения условий признания и, по выяснении их, принять окончательное решение...»

Наконец, третий член «Особого совещания», правый, писал мне впоследствии об этом заседании:

«Вопрос этот внес большую сумятицу в умы. Отрицательные стороны признания были очевидны большинству, однако имелись серьезные возражения против того, чтобы оставить все по-старому. Два члена „Особого совещания“, признавая пользу объединения всего Белого движения в одном лице, относились, однако, отрицательно к тому, чтобы таковым был признан Колчак. Близкие к правым кругам, монархически и легитимистски настроенные, эти члены указывали, что признание Колчака вызовет в этих кругах противодействие, недоверие, будет учтено, как переходная мера бонапартизма... Казалось, что если пора возглавить движение, то это надо сделать иначе, другим лицом. Должен сказать, что в легитимистских кругах в этом отношении никогда не было колебания и всегда при всех обстоятельствах тяготение было к одному и тому же имени. Все остальные мыслились как главные сотрудники, предтечи, предшественники. Но эти чаяния были скорее в области внутреннего чувства, а не в виде результата зрелой мысли».

Предложенная Н. И. Астровым формула постановления, принятая единогласно «Особым совещанием» и являвшаяся по существу уклонением от решения вопроса, имела следующую редакцию: «Признавая настоятельно необходимым образование в России единого национального правительства, „Особое совещание“ полагает, что жизненные интересы Российской державы властно требуют, чтобы такое правительство было образовано путем непосредственного соглашения между генералом Деникиным и адмиралом Колчаком на началах, изложенных в

официальном сообщении от 10 апреля текущего года» (*политическая декларация правительства Юга*).

Мне остается еще добавить, что как с прениями в этих заседаниях «Особого совещания», так и с проектом резолюции я ознакомился только при составлении «Очерков».

Тем временем и я – в одиночестве – обдумывал создавшееся положение. Принципиально вопрос о подчинении решен был мною давно, о чем было известно многим. Я предполагал при близком, казалось, соединении без торга, без сговоров и «условий» объявить армиям о подчинении «отныне Верховной власти Верховного правителя», как об естественном следствии установления с ним связи. Принятие этого решения облегчало то обстоятельство, что, не встречавшись ни разу в жизни с адмиралом Колчаком, я тем не менее составил себе о нем определенное представление, как о человеке умном, смелом и благородном.

Вопрос поэтому вызывала лишь своевременность такого акта.

Но соединение территорий затягивалось... Перспектива признания союзниками Всероссийской власти адмирала Колчака представлялась фактором чрезвычайно важным, укреплявшим международное положение новой России... Она требовала оказания адмиралу политической и нравственной поддержки... Факт единения русских противобольшевистских сил не мог не вызвать подъема в армиях и в обществе и лишал почвы наших недругов, сеявших рознь... Наконец, с меня спадало лишнее бремя, облегчая значительно нравственную возможность требовать от других исполнения долга и повиновения.

Вывод был ясен.

Я сказал о своем решении 30 мая И. П. Романовскому. Не ответив ни слова, он крепко пожал мою руку. Мы условились, что пока это останется между нами, а завтра я отдам приказ, который должен быть немедленно и широко распространен. В течение дня составить его, однако, не удалось.

Вечером состоялись проводы уезжавшего в Англию генерала Бриггса, отличавшиеся исключительной сердечностью. Узнав, что экстренный поезд его уходит в Новороссийск не на другой день, как предполагалось, а в ту же ночь, и желая использовать оказию в Константинополь, я тут же на клочке бумаги написал приказ, который и огласил в собрании, после чего приказ был тотчас размножен.

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России

№ 145

30 мая 1919 года.

г. Екатеринодар.

Безмерными подвигами Добровольческих армий, кубанских, донских и терских казаков и горских народов освобожден Юг России, и русские армии неудержимо движутся вперед к сердцу России.

С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских армий с верой, надеждой и любовью. Но наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой, Единой России.

Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном с нею едином Верховном командовании.

Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь

адмиралу Колчаку, как Верховному Правителю Русского Государства и Верховному Главнокомандующему Русских Армий.

Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России.

Генерал-лейтенант Деникин».

Взрыв патриотического подъема, который охватил собрание, служил первым показателем сочувствия этому шагу.

Верховный правитель в ответ на мой приказ прислал телеграмму:

«С чувством глубокого волнения приветствую Ваше патриотическое решение, продиктованное Вам истинной государственной мудростью. Вы в пору государственного распада и морального разложения великого народа один из первых в ряду славных выступили под стягом Единой России. Ныне Вашим решением Вы подаете пример солдата и гражданина, превыше всего ставящего благо Родины и будущее ее исторических судеб. В великом подвиге служения Вашего России да поможет Вам Бог.

Верховный правитель адмирал Колчак».

Никогда еще общественное настроение не было так единодушно, как в оценке этого события. Никогда в период борьбы проявление общественного удовлетворения не носило таких трогательных и в большинстве искренних форм. Я получил множество телеграмм, писем, адресов со всех концов белой России и из стран расселения зарубежной эмиграции – от отдельных лиц, обществ, групп, правителей и военных начальников. Все эти обращения свидетельствовали, как сильно жаждало русское общество объединения расколотой Родины и... как высоко котируется на бирже мирской суеты власть, отказ от которой или самоограничение вменяются человеку в подвиг.

Я остановлюсь на некоторых откликах, вызванных актом соединения, оставляя элемент личный лишь в тех случаях, когда это существенно необходимо для освещения событий.

Российский посол В. Маклаков в письме из Парижа делился со мною своими впечатлениями:

«Не то важно или, вернее, не только то важно, что Вы устранили ту смуту в умах наших союзников, которую усердно на этой почве подготавливали и раздували всевозможные наши враги. Важнее было то впечатление, которое этот „beau geste“¹ произвел в смысле „откровения“. Вы не подозреваете, какая упорная и тонкая агитация велась лично против Вас; над этим старались и левые партии, и германофилы, и германцы. А мотив всегда один и тот же: реакционер. И когда Вы с такой простотой разрубили узел и в момент Ваших успехов признали Колчака, в этом увидели и оценили наглядное и простое доказательство, что Вы слуга России, а не просто реставратор-честолюбец».

Южные политические организации откликнулись целым рядом заседаний и постановлений, посвященных вопросу признания.

До признания, днем 30 мая, после доклада Аджемова «Совет государственного объединения России» вынес постановление: «Считать, что интересам и достоинству России не отвечает стремление добиваться в срочном порядке признания единой Всероссийской власти в лице главы одной из вооруженных сил, ведущих борьбу за Россию». Мотивы официальные: «предъявление союзниками адмиралу Колчаку условий, являющихся посягательством на независимость России...» Неофициальные – те, которые приведены были выше в словах правого члена «Особого совещания». 3 июня состоялось вновь заседание, в котором «Совет», считаясь со свершившимся фактом, постановил обратиться ко мне с приветствием – «с восторгом встречая зарю светлого русского будущего» и полагая, что «приказ этот является краеугольным камнем вновь зарождающейся Единой и Великой России».

¹ прекрасный поступок (франц.)

С горячим и искренним сочувствием отнесся к событию «Национальный центр», видевший в нем «выход России из ее разрозненности и слабости – к сплоченности и мощи...». «Союз возрождения» находил, что таким путем устранен главный камень преткновения в отношениях его к командованию, так как с признанием адмирала Колчака, обязавшегося созвать Учредительное собрание, не страшна «недоговоренность» политической программы Юга. Мякотин при этих условиях допускал «самую строгую диктатуру в некоторые моменты жизни страны», а Титов писал мне: «Мне лично и через своих сотрудников по союзу городов пришлось услышать, как восторженно был встречен приказ среди низов Добровольческой армии – среди рядового офицерства, студенчества, среди всех тех, которые видят в Добровольческой армии ядро новой, прозревшей России, символ бескорыстного служения возрождающейся Родине...»

Такие взгляды высказывали союзы городов, земств и многие, многие другие.

5 июня состоялось торжественное объединенное заседание трех политических организаций, впервые после разрыва в Одессе засвидетельствовавших «общее согласие взглядов и полное единодушие в высокой оценке акта 30 мая».

Только социалисты, стоявшие левее «Союза возрождения», молчали или утешали себя надеждою на «возможность острых конфликтов» между силами Юга и Востока, «которые в один прекрасный день внесут в историю новую дату, обратную 30 мая...». Но голос их был слаб и робок.

Невзирая на огромное моральное значение объединения Востока и Юга, реальные политические последствия его не оправдали наших надежд. Прежде всего признания Всероссийской власти Верховного правителя державами Согласия не состоялось. В первых числах июня Версальская конференция сообщила в Омск свое решение: «Союзные и дружественные державы счастливы, что общий тон ответа адмирала Колчака и его основные положения находятся в соответствии с их предположениями. Ответ содержит удовлетворяющие их заверения о свободе, мире и самоуправлении русского народа и его соседей. Поэтому они готовы предоставить адмиралу и присоединившимся к нему помощь, упомянутую в предыдущем сообщении...»

Это заявление возвращало нас к прежнему положению, оставляя открытым «русский вопрос» во всем его объеме, и не исключало возможности и дальнейших попыток держав прийти к соглашению с советами. Не изменилась политика держав Согласия, и не усилилась их реальная помощь.

Чем объяснить остановку Версальской конференции на полпути? Начальник русского отделения в английском министерстве иностранных дел Грегори говорил русскому поверенному в делах Саблину (*телеграмма Саблина от 3 октября 1919 г., № 706*): «По моему мнению, признание адмирала Колчака настоятельно необходимо; но премьер-министр (Ллойд Джордж) не окончательно еще уверен в падении большевиков и не уверен в намерениях русских национальных вождей установить в России демократический режим...» Официальное лицемерие государственных деятелей, готовых признать советский, каннибальский, какой угодно режим, лишь бы это соответствовало интересам их стран... Конечно, все дело было в наглядном проявлении нашей силы. Но успех наш зависел во многом от широкой помощи союзников, а помощь их ставилась в зависимость от нашего успеха. Получался заколдованный круг.

Большинство западных и южных новообразований в своих заявлениях конференции резко отмежевались от «русской государственной власти». В прежнем неопределенном положении остались и взаимоотношения наши с южным казачеством.

6 июня я собрал у себя атаманов и председателей правительств казачьих войск. Очертил им военно-политическую обстановку и обстоятельства, сопровождавшие признание. Убеждал, что при той розни, при тех центробежных стремлениях, которые существуют на Юге, возможны, быть может, военные успехи, но совершенно невозможно возрождение России. Призывал их идти вместе, признать Верховного правителя, чтобы «дать ему большую возможность во всеоружии силы и власти перед друзьями и недругами России защищать ее кровные интересы».

Атаманы ответили ссылкой на «вековую несправедливость в отношении казаков» и на «систематическое отстранение казачества, составляющего оплот вооруженных сил Юга, от государственного строительства».

Еще один заколдованный круг: я недоумевал, как осуществить это сотрудничество, как влить новую струю «казачьего демократизма» в старые мехи «российской бюрократии», когда с октября 1918 года делались бесплодные попытки организации Южной власти путем сговора, когда Кубань отказывалась вовсе от ведения переговоров, и все три войска как раз в эти дни приступали к организации «Юго-Восточного союза» без участия в нем правительства Вооруженных сил Юга – «для закрепления прав, приобретенных казачьими войсками в области государственного строительства России...» (*телеграмма Харламова Кубанской Раде с постановлением Донского Круга*), когда враг был у ворот.

Выяснилось в результате, что казачьи войска согласны признать военное возглавление адмирала Колчака, верховную же гражданскую власть оставляют за своими представительными учреждениями.

Словом, российский Екатеринодар отметил акт 30 мая торжественным молебствием с провозглашением многолетия «Державе Российской и благоверному Верховному правителю ее». А Екатеринодар казачий – торжественными обедами во дворце кубанского атамана при участии четырех атаманов и четырех премьеров, речами и символами, демонстрировавшими казачьи заслуги (несомненные), казачье единение (сомнительное) и казачью суверенность.

7 июня отправлена была за границу миссия во главе с генералом Драгомировым в составе Астрова, Нератова и Соколова. Ввиду невозможности прямой телеграфной связи с Омском на миссию возложено было, по прибытии в Париж, войти в сношение с Верховным правителем, представить ему доклад о положении дел на Юге России и испросить у него необходимые указания и полномочия. Попутно делегация должна была в Париже и Лондоне разрешить ряд не терпящих отлагательства вопросов экономического характера, ознакомиться с положением «русского вопроса», а также осведомить союзные правительства и западноевропейское общественное мнение о положении Юга.

Соколовым был составлен конспект доклада Верховному правителю, в котором в конце предрешался объем моих полномочий. Раз подчинившись, я не считал возможным ставить какие-либо условия, и поэтому в доклад внесено было лишь одно пожелание – о предоставлении Южной власти права внешних сношений по вопросам, касающимся исключительно Юга России, и в согласии с общими директивами Верховного правителя.

Ответ был получен только в конце августа. Верховный правитель излагал общие основания о пределах власти главнокомандующего на Юге России: «Самостоятельное руководство иностранной политикой в пределах вопросов, касающихся территорий Юга... Общее же руководство в области внешней политики, а равно в вопросах денежного обращения, валютной и земельной политики принадлежит Российскому правительству». Главнокомандующему предоставлена была в области управления – полнота власти, в области законодательства – «право издания постановлений, имеющих силу закона, и право помилования». Допускалось образование «междуобластного совета» из представителей отдельных областей и губерний нормального типа.

На практике применение этих норм вызвало некоторые разногласия между ведомствами, как, например, по вопросу о распоряжении черноморским транспортом, иностранной валютой, бывшей на учете «Особого совещания» в Константинополе, и так далее. Но все эти вопросы получали в конце концов благополучное разрешение. Омск предоставлял нам достаточную свободу в деле управления, и только однажды по вопросу проведения земельной реформы Верховный правитель, опасаясь расхождения, высказался о невозможности допустить в этом деле местное законодательство.

13 августа состоялся указ о назначении начальника Управления иностранных дел Нератова товарищем российского Министерства иностранных дел, чем достигалась известная согласованность в направлении внешней политики. Расхождения в ней в сущности не было. Я разделял общие основания, изложенные в декларации Верховного правителя по отношению к новообразованиям; в частности в «польском вопросе» и Омск и Екатеринодар приняли предложенную Сазоновым формулу: этнографический принцип при определении восточных границ Польши и отнесение окончательного решения до Учредительного собрания.

В октябре между нами состоялся обмен мнений по вопросу большой важности – об общем направлении нашей внешней политики, 18-го (нового стиля) адмирал Колчак телеграфировал мне:

«По полученным мною сведениям, положение фронтов генералов Юденича и Миллера чрезвычайно тяжелое.

Положение Восточного фронта осложнилось очень серьезно вследствие предположения союзников снять с охраны линии Омск – Владивосток чешские и польские войска. Положение армий Гольца в Курляндии при неопределенности – пойдет ли он против большевиков или с ними – внушает мне большие опасения за окончательный результат Ваших успехов, имея в виду двойную игру, проведенную германцами в марте 1918 г. на Украине. Наши отношения к Германии определяются отсутствием всяких сношений и формально продолжением войны; практически же военных действий нет, Брест-Литовский мир аннулирован Версальским постановлением; ныне Германия выступает активно и вмешивается в наши внутренние дела. Представляется необходимым разрешить это ненормальное положение, и надо принять решение о взаимоотношениях с Германией, явно игнорировать которую долее невозможно. Донесите мне поспею Ваше заключение в связи с внутренним положением. № 1326».

В этом обращении между строк чувствовалось нечто более важное, чем урегулирование внешних форм взаимоотношений. Вопрос шел, очевидно, *о перемене ориентации*. Впоследствии наше предположение подтвердилось. В Сибири, как и на Юге, под влиянием политики союзников, наряду с враждебным к ним чувством, нарастала тогда волна германофильства. Она, по словам Гинса, находила отражение в печати и живой отклик «среди высших чинов армии». Общественные настроения достигли, по-видимому, большого напряжения, так как вопросу этому было посвящено специальное заседание Совета министров. Совет высказал, однако, отрицательное отношение к перемене курса. Как раз в эти дни и была послана приведенная выше телеграмма. По чьей инициативе – не знаю. Но пришла она не обычным путем через Министерство иностранных дел, а из Ставки военным шифром.

Я составил ответ, который был прочтен мною в заседании «Особого совещания» и не встретил возражений.

«Доношу: как бы тяжело ни складывались обстоятельства, их необходимо побороть. Политическая обстановка нисколько не изменилась. Немцы по-прежнему ведут борьбу против русской государственности – явно в Прибалтике, Малороссии, на Кавказе и тайно – среди русских партий, применяя старые бесчестные приемы. Версальский мир не закончил борьбу, а лишь приостановил ее и углубил непримиримые противоречия между двумя политическими группировками. В будущем намечаются впервые широкие возможности всеславянского объединения. Союзники оказывают нам реальную помощь, диктуемую, правда, их собственными интересами, но не расходящимися с идеей воссоздания русской государственности. В то же время немцы продолжают политику растления и разъединения, поддерживая русский большевизм и наши центробежные силы. Отсутствие всяких сношений с ними является не слабостью, а силою, придавая устойчивость, прямоту и искренность русской политике в глазах тех, с которыми нам суждено идти по одному пути. № 014158».

По поводу этой телеграммы Гинс говорит: «Адмирал был очень доволен: Совет министров и Деникин помогли ему сбросить тяжелый камень сомнения, который кто-то старательно вдвигал в его наболевшую душу».

И мы шли старым путем, приносившим нам не раз глубочайшие разочарования, потому что иного не было, потому что в сонме и победителей и побежденных национальная Россия оказалась чужой и одинокой.

В сентябре 1919 года получено было письмо Верховного правителя, в котором он, препровождая свой указ от 11 июня, писал мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.